

РЕЦЕНЗИЯ

Л. В. Гармаш

ЧЕХОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ УНИВЕРСУМ ВБЛИЗИ И ИЗДАЛЕКА

(РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т. А. ШЕХОВЦОВОЙ «У НЕГО НЕТ ЛИШНИХ ПОДРОБНОСТЕЙ...»: МИР ЧЕХОВА. КОНТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ (ХАРЬКОВ: ХНУ ИМЕНИ В. Н. КАРАЗИНА, 2015. 196 С.)

Монография харьковского филолога Т. А. Шеховцовой предоставляет читателю замечательную возможность вновь погрузиться в чеховский «мир открытий чудных», складывающихся из представляющихся на первый взгляд незначительными деталями, мелочей, частных, незаметных при беглом прочтении, но приобретающих стереоскопическую глубину под чутким взглядом вдумчивого исследователя.

Достаточно убедительной нам представляется структура монографии, состоящей из трех разделов. К неоспоримым достоинствам книги относятся стройность архитектуры, внутренняя цельность, логичность переходов между отдельными главками, составляющими содержание разделов, скрупулезность и бережность литературоведческого анализа, сочетающиеся с продуманностью общей концепции книги и широтой научных обобщений.

Благодаря вдумчивому изучению значительного по своему объему массива рассказов писателя, привлечению широкого контекста всего чеховского наследия – повестей, драматургии, эпистолярия – постепенно в первом разделе книги вырисовывается тончайшая вязь сквозных мотивов, складывающихся в единую систему, подчиненную установленным автором монографии закономерностям.

Пристальный взгляд ученого устремлен на частности, детали, ранее казавшиеся несущественными, но, как убедительно продемонстрировала Т. А. Шеховцова, образующие в совокупности динамическую систему взаимообусловленных элементов, результатом рассмотрения которой становится более глубокое понимание чеховского мировидения, определение смысловых доминант, лежащих в основе системы ценностей художественного мира Чехова. Так, уже в первой главке, анализ семантики мотива луны приводит к установлению одного из важнейших принципов художественного мира Чехова – «это мир параллельных возможностей», существующий в диалектическом единстве постоянства и изменчивости (с. 18).

От чеховской космологии автор переходит к анализу чеховской геометрии, вычлняя в качестве основных пространственных ориентиров такие категории, как *кривое / прямое, круг и квадрат*, часто редуцированный до *угла*. Они выполняют самые разнообразные функции, выступая то в качестве признака пространственного объекта, то в роли метафорической характеристики персонажа. Зачастую они имеют символическое значение, а их антитетичность оказывается мнимой. К наиболее существенным характеристикам относится их способность вмещать в себя широкую смысловую палитру, трансформироваться, доходя до полного самоотрицания. Так, угол в одном случае может символизировать домашний уют, желанное пристанище, но его обретение «часто оборачивается захолустьем или тупиком бездуховного, обывательского существования» (с. 27). Подобные метаморфозы присущи и иным чеховским категориям. Так, в другой главке отмечается, что «в “Доме с мезонином” одинаково дискредитируются и удовлетворение от труда, и удовольствие от праздности» (с. 59). Смысловая амбивалентность объясняется изоморфностью художественного мира Чехова самому себе, из которого героям «уйти некуда», господствующей в этом мире относительностью, размытостью границ, дурной бесконечностью повторений. И далее мысль

© Л. В. Гармаш, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1044324>

об амбивалентности как о фундаментальном свойстве чеховского мировидения будет повторяться с завидным постоянством, идет ли речь об утрате иконой изначально заложенного в нее сакрального значения (с. 42) или о восприятии портретных деталей, характеризующих того или иного персонажа (с. 78–79). Противоположные мотивы в чеховском мире «оказываются не только контрастными, а и взаимообратимыми» (с. 114), как это продемонстрировано на примере мотивов *пустоты / полноты* в «Трех сестрах».

Еще один важный мотив, который заслуживает, по нашему мнению, самостоятельного исследования, рассматривается в главке «Икона в творчестве Чехова». Его можно условно назвать мотивом нехватки. Многим героям Чехова в их попытках вырваться из духовного болота, преодолеть какие-то жизненные трудности, освободиться от ограничений наличного бытия не хватает сил сделать последний решительный шаг. Все их усилия оказываются тщетными, не приводящими к заветной цели, мечты так и остаются мечтами, призрачные надежды разбиваются в прах, как это происходит с Кузьмой из рассказа «Встреча». Несмотря на испытанное героем сильное душевное потрясение под воздействием иконического образа, он опять возвращается в исходное состояние. Встреча с сакральным не вносит никаких изменений во внутренний мир Кузьмы, став лишь одним из кратких эпизодов его прошлого. С данным мотивом смыкается мотив несостоявшейся встречи, рассмотренный на примере рассказов «У знакомых» и «Ионыч». В главке «Это человеческое тело...» упоминается сближающийся с ним семантически мотив несостоявшегося события.

Относительность каждого элемента художественного мира по отношению ко всем остальным его частям приводит, как точно подмечено автором монографии, к смещению акцентов с того, что ранее считалось главным, на второстепенные детали, перенесению внимания с центра на периферию, «разрушению привычной иерархии большого и малого, важного и неважного» (с. 66), что впоследствии станет одним из существенных признаков постмодернистской поэтики. Однако принципиальное отличие чеховского мировидения заключается в отдаваемом писателем предпочтении жизни перед искусством. Именно к такому выводу приходит Т. А. Шеховцова в результате тщательного анализа чеховского экфрасиса: «отказываясь от предпочтения небесного земному, писатель лишает искусство сакрального статуса, но вместе с тем возвышает его до жизни» (с. 35).

Размышления о чеховской аксиологии иконы, определение ее основных функций в тексте, которые варьируются от детали интерьера, неперемного атрибута религиозного ритуала или характеристики героя до сотериологической роли в судьбе персонажа, подводят к мысли о том, что совмещение профанного и священного смыслов в иконографическом образе не отменяет сакрального символизма иконы как одного из важнейших ценностных ориентиров «в духовно редуцированном мире» чеховских героев (с. 47), хотя оптимистичность этого и некоторых других утверждений мне кажется несколько преувеличенной.

Ключевые мотивы чеховской прозы рассматриваются в широком контексте как художественных достижений предшественников писателя (А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского и др.), так и в сопоставлении с литературными открытиями Серебряного века (например, отмечается использование Чеховым такого характерного приема импрессионистической поэтики, как игра света и тени (с. 13)). В то же время Чехов предстает как один из наиболее влиятельных писателей, во многом наметивший дальнейшие пути развития русской литературы. Говорится о его влиянии на творчество И. Шмелева (например, рассказ «На страстной неделе» называется в качестве предтечи шмелевского романа «Лето Господне»), А. Платонова, проводятся параллели между произведениями А. П. Чехова и В. В. Набокова и т. д.

Собственно проблеме контекста и интертекстуальным переключкам чеховского наследия с произведениями А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Бунина и Н. Баршева посвящен второй раздел монографии Т. А. Шеховцовой. Несколько особняком в нем стоит главка «Я без ума от тройственных созвучий ...», где на материале пьесы «Три сестры» рассмотрен мотив троичности.

Особого рода интерес вызывает третий раздел книги, озаглавленный «Чехов и Харьков». Вызывает уважение широчайший охват архивных материалов, их внимательный отбор, бережная работа по возвращению в научный оборот имени харьковчанина Александра

Барыкина, в свое время много сделавшего для сохранения памятных материалов, относящихся к жизни и творчеству Чехова. Чрезвычайно интересно было познакомиться также с оценкой чеховского творчества в харьковской прессе. Заслуживает внимания также глава, посвященная одному из малоизвестных драматургов чеховского круга – Н. Хлопову. Вероятно, его произведения как таковые не представляют большой художественно ценности, но важно, что именно благодаря этому «фоновому персонажу», как его называет автор монографии, представилась возможность создать стереоскопически выпуклую картину эпохи, прояснить творческую и жизненную позицию Чехова, дополнив его портрет несколькими яркими штрихами, характеризующими личность писателя.

Умение находить собственный – порой неожиданный и всегда продуктивный – подход к научной проблеме, доказательность и аргументированность занимаемой позиции позволяют Т. А. Шеховцовой по-новому интерпретировать многие чеховские произведения, вносить коррективы в казавшиеся до сих пор традиционными научные подходы к трактовке наследия Чехова и его мировоззренческой позиции. Взвешенные выводы к главам, обобщающие и в то же время открывающие новые исследовательские перспективы, свидетельствуют о глубоком проникновении автора исследования в мир Чехова. Несомненно, рецензируемая монография найдет благодарного читателя как среди студентов, молодых и уже состоявшихся ученых, так и среди всех почитателей творчества великого русского писателя.

(Статья поступила в редакцию 2 октября 2017 г.)